

DOI: 10.31857/S013038640021373-8

© 2023 г. В.В. ОРЛОВ

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОТЕСТ И ИСЛАМСКАЯ ПАРТИЙНОСТЬ В МАРОККО: ОПЫТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: orlov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57217045829; Researcher ID: K-1041-2012; ORCID: 0000-0002-2649-5422

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы зарождения и развития «Движения 20 февраля» в Марокко в ходе событий «арабской весны», глубоко повлиявших на общественное развитие региона Ближнего Востока и Северной Африки. Цель исследования состоит в оценке сотрудничества/соперничества сил либерального гражданского протеста и исламистских партий и ассоциаций, а также реакции марокканской монархии на создание неподконтрольного ей центра политической мобилизации молодежи. Противостояние «Движения» администрации короля Мухаммеда VI и стремление протестующих внедрить либеральные ценности в политическую жизнь страны привели эту гражданскую инициативу к глубокому кризису. В статье выявлен широкий набор политических, юридических и пропагандистских средств, примененных монархией для дискредитации любых форм молодежного протеста, кроме явно санкционированных властями. Поспешное введение в действие новой конституции королевства и парламентские выборы, прошедшие в ноябре 2011 г., позволили умеренной исламистской Партии справедливости и развития войти в правительство и занять существенное место в политической жизни Марокко. Эта «альтернативная оппозиция» при действенной, хотя и неявной, поддержке трона последовательно вытеснила малоопытных гражданских активистов на обочину политического процесса. В итоге «Движение 20 февраля» утратило популярность и не обрело необходимой ясности идеологических ориентиров. Во второй половине 2012 — начале 2013 г. оно распалось на отдельные конфликтующие группы и так и не смогло реализоваться в виде сплоченной политической структуры. Автор показывает, как силовые методы и пропагандистские кампании королевской администрации вкупе с искусной партийной политикой двора радикализовали умонастроения молодых либералов, что позволило очернить их репутацию и нейтрализовать их влияние. Благодаря этим мерам в марокканском обществе восстановились позиции мягкого авторитарного режима.

Ключевые слова: Марокко, молодежь, молодежное движение, оппозиционные движения, конституционные реформы, исламские партии, Северная Африка, «арабская весна», «Движение 20 февраля».

V.V. Orlov

Civil Protest and Islamic Partisanship in Morocco: Experience of the “Arab Spring”

Vladimir Orlov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: orlov@iaas.msu.ru

Scopus Author ID: 57217045829; Researcher ID: K-1041-2012; ORCID: 0000-0002-2649-5422

Abstract. The author examines the milestones in the emergence and development of the “February 20” movement (F20M) in Morocco during the Arab Spring, which had a profound impact on the social development of the Middle East and North Africa. The level of F20M’s cooperation/rivalry with Islamic parties/associations and reactions of Moroccan state to creation of a center of political mobilization of youth beyond its control is also evaluated. The analysis demonstrates the large set of political, legal and propaganda tools used by Moroccan Alawite monarchy to present the F20M as increasingly incompatible with all the set of traditional Moroccan values. The opposition of F20M to the King’s administration and its ambition to promote liberal democratic ideas in Moroccan society led this association to existential crisis. F20M’s message became inconsistent and less relevant when the King Muhammad VI systematically responded to social demands. Hasty implementation of the new Moroccan Constitution and parliamentary elections, which took place in November 2011, gave chance to the Justice and Development Party not only to enter the government, but to take a significant place in political life of the country. This skilful and moderate ‘Islamic policy’ framed F20M’s image as extreme and composed of fringe radical/revolutionary groups. So, this civic initiative was led to decline in the second half of 2012 – early 2013. A secondary finding of this paper is that policy repressions combined with smearing campaigns turned the young reformists to radical opposition to the throne and helped to reproduce the soft authoritarian regime.

Keywords: Morocco, youth, youth movement, opposition movements, constitutional reforms, Islamic parties, North Africa, Arab Spring, “February 20” Movement.

Исторический облик массовых протестных движений в Марокко всегда был пестрым и противоречивым. Среди протестующих встречались и архаично мыслявшие племенные вожди, и рафинированные интеллектуалы с европейским образованием. Протестные акции марокканцев принимали к тому же весьма разнообразные формы – от партизанской войны рифских племен в 1921–1926 гг., в ходе которой возникла самопровозглашенная «Республика Риф», до «хлебных бунтов» 1981 г. в Касабланке и других городах королевства, глубоко изменивших политику правительств короля Хасана II (1961–1999). Свое влияние на характер отношений внутри марокканского социума и государства внесли события «арабской весны» 2011–2012 гг. Они оказались неразрывно связаны, с одной стороны, с быстрым становлением и упадком бунтарского «Движения 20 февраля», а с другой – с расцветом деятельности легальных исламских партий как проправительственного, так и антиправительственного спектра.

«Движение 20 февраля», как и другие объединения арабской «недовольной молодежи» 2011–2012 гг., первоначально оформилось в виртуальном мире. Активисты и сторонники движения объединялись и искали общие цели посредством общения в социальных сетях. Под влиянием крушения режимов Зин аль-Абидина бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте молодые марокканцы начали обсуждать перспективы демократических преобразований в своей стране. В конце января 2011 г. в Интернете возникло несколько марокканских форумов такого рода, крупнейшим из которых стал «Свобода и демократия сейчас».

Хотя численность пользователей дискуссионных групп первоначально составляла не более 3–5 тыс. человек, они быстро перешли от обсуждений в Интернете к акциям на улицах марокканских городов. Их лозунги включали смену конституционного законодательства, сокращение политических прерогатив короля, освобождение «узников совести», участие молодежи в парламентских выборах¹. Протестные демонстрации были запланированы на 27 февраля. Однако затем их перенесли на предыдущую неделю, поскольку эта дата связана в сознании марокканцев с провозглашением Сахарской Арабской Демократической Республики Фронтом ПОЛИСАРИО в 1976 г. Совмещение гражданского протеста с «праздником западносахарских сепаратистов» вызвало бы негативные коннотации у консервативно настроенных кругов и властей и легко могло быть

¹ Tourabi A., Zaki L. Maroc: une révolution royale? // Mouvements. Des idées et des luttes. 2011. № 2 (66). P. 99–100.

использовано для дискредитации протестующих в глазах лояльного власти большинства. В итоге дата «20 февраля» стала маркером движения и неотъемлемой частью его политического образа.

Протестные собрания прошли 20 февраля 2011 г. в большинстве городов и провинций королевства. Как свидетельствовали данные оппозиционного веб-сайта Mamfakinch, в самом Марокко в гражданских выступлениях участвовали не менее 123 тыс. человек². Эта цифра, полученная со слов участников собраний, может быть увеличена на 10–15% с учетом городов Европы, где в этот день также пришли на протестные акции тысячи марокканцев, проживавших в ЕС³. Собравшиеся критиковали социально-экономическую политику правительства, требовали повысить заработную плату на государственных предприятиях, расширить фонд временных рабочих мест для студентов, выплачивать увеличенные пенсии, перестроить систему поддержки безработных. Выдвигались также требования ограничения власти короля, созыва конституционной ассамблеи и принятия нового основного закона, отставки консервативного правительства партии «Истикляль», прекращения преследований граждан за убеждения. Неприятие непрозрачной системы власти, коррупции и nepотизма королевской администрации также выражалось в персональных нападках участников акции на видных деятелей махзена.

Этот термин (махзен — араб. букв. «хранилище [налогов]») в течение веков обозначал неформальное объединение провинциальных политических элит Дальнего Магриба с правящей с 1630-х годов султанской (с 1957 г. — королевской) семьей Алауитов. Понятие «махзен» в качестве символа институтов власти в Магрибе отмечается еще с IX в.⁴ В ту эпоху оно ассоциировалось с верхушкой привилегированных «военных племен», служивших государям Северной Африки за вознаграждение или освобождение от налогов. В XVI–XX вв. слово «махзен» стало обозначать всю совокупность «личного состава» военно-политической администрации магрибинских эмиров и султанов и, таким образом, послужило общим наименованием для средних и высших звеньев государственной машины. В народном употреблении термин также стал синонимом попрания исконных прав и свобод горных или пустынных племен со стороны султанской администрации⁵. В современном же прочтении махзен трактуется арабскими и европейскими политологами как «светский авторитаризм, располагающий руководящим государственным аппаратом»⁶.

В социальном плане марокканское протестное движение 2011–2012 гг. оказалось неоднородным. Тем не менее ясно, что его основная часть состояла из молодых, образованных и сравнительно малоимущих горожан, что позволило наблюдателям представлять «Движение 20 февраля» как выражение устремлений нового поколения марокканцев⁷. Действительно, как показали изыскания М.Э. Бадимон, в ходе «арабской весны» гражданский протест марокканской молодежи базировался на тех же социально-экономических и политических установках, что и массовые выступления против безработицы, сотрясавшие Марокко в первые годы правления Мухаммеда VI⁸.

² Данные сайта с распределением показателей по провинциям и городам Марокко: URL: <http://24.mamfakinch.com/pages/bilan-statistique-feb20#> (дата обращения: 06.03.2013).

³ *Dahbi Kh.* Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the 20th February Movement in Morocco // *Annals of Japan Association for Middle East Studies*. 2013. Vol. 29. № 2. P. 9.

⁴ *Матвеев В.В.* Средневековая Северная Африка (развитие феодальных отношений в VII–IX вв.). М., 1993. С. 227.

⁵ *Ahmad A.S., Hart D.M.* Introduction // *Islam in the Tribal Societies: from the Atlas to the Indus* / eds A.S. Ahmad, D.M. Hart. London, 1984. P. 3–4.

⁶ *Korany B.* Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco // *Political Liberalization and Democratization in the Arab World*. Vol. 2. Comparative Experiences / eds B. Korany, R. Brynen, P. Noble. Boulder (Col.); London, 1998. P. 173.

⁷ *Desrués Th.* Moroccan Youth and the Forming of a New Generation: Social Change, Collective Action and Political Activism // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. P. 39.

⁸ См.: *Badimon M.E.* Does Unemployment Spark Collective Contentious Action? Evidence from a Moroccan Social Movement // *Journal of Contemporary African Studies*. 2013. Vol. 31. P. 194–212.

Для оценки эффективности протестной мобилизации в Марокко наиболее существенны формы реагирования марокканского государства на мирное молодежное движение. Вопреки обычной для юстиции королевства жесткости в отношении несанкционированных протестов, на этот раз правоохранительные органы не вмешивались в ход собраний и занимались общим контролем общественного порядка. Через две недели, 9 марта 2011 г., Мухаммад VI обратился к нации и предложил обновить положения конституции 1996 г. Его конкретные рекомендации включали наделение премьер-министра частью королевских прерогатив, общую децентрализацию управления страной, передачу финансирования и планирования социальных проектов на уровень провинций и префектур, более широкий контроль общества за судебным ведомством. Также король предлагал марокканцам признать в новой конституции берберский говор *тамазигт* официальным языком Марокко⁹.

Ответ королевского двора на протесты состоял в том, что заявленные планы конституционной реформы совпали с требованиями «Движения 20 февраля», но ни малейших ссылок на влияние гражданского общества Мухаммад VI не допускал ни 9 марта, ни позже. Совет О. фон Бисмарка «взять идеи оппозиции и воплотить их своими руками» махзен реализовал с большим размахом. Утверждения монарха о том, что свой план преобразований он готовил несколько лет, раскололи протестную среду. Одних участников митингов не удовлетворили заявленные администрацией механизмы обновления конституции¹⁰, другие объявили обманом либеральные аспекты в заявлении монарха. В большинстве своем сторонники движения сошлись на том, что следует продолжить практику еженедельных выступлений против проекта конституции, призывая к эскалации напряженности уличных шествий — в духе акций «арабской весны» в Тунисе и Египте¹¹. Эти лозунги вызвали разломы в соцсетях и на улицах, подрывая саму возможность создания общенационального молодежного протестного движения.

Параллельно власти сделали ставку на пресечение уличных акций. Первоначальные опасения перед «египетско-тунисским» вариантом событий не оправдались, и уже в марте—апреле 2011 г. «Движение 20 февраля» из-за полицейских мер пошло на спад. Апрельские сидячие забастовки в Касабланке против предложенного королем референдума по конституции прекратились после массовых арестов и приговоров его участникам к тюремному заключению. 15 мая 2011 г. протестующие попытались начать стихийную «прогулку» из Рабата в пригород Темара — к печально известному марокканским диссидентам зданию штаб-квартиры Службы королевской контрразведки. Полиция разогнала собравшихся еще до начала «прогулки», причем столь энергично, что, как сообщали европейские СМИ, ранения получили не менее 50 протестующих¹².

Махзенское руководство не пренебрегало и другими проверенными способами борьбы с гражданскими активистами: дезинформацией, дискредитацией «Движения 20 февраля», демонстрацией «народной лояльности» инициативам Мухаммада VI. Еще накануне 20 февраля государственные СМИ распространили ложную информацию о переносе манифестаций на другой день. Сразу после «весенних» событий в социальных сетях

⁹ *Belkeziz A.* Morocco and Democratic Transition: a Reading of the Constitutional Amendments, Their Context and Results // *Contemporary Arab Affairs*. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 34–36; *Mathieu B.* L'émergence du pouvoir judiciaire dans la Constitution marocaine de 2011 // *Pouvoirs*. 2013. № 2 (145). P. 47; *Houdret A., Harnisch A.* Decentralisation in Morocco: a Solution to the 'Arab Spring'? // *The Journal of North African Studies*. 2019. Vol. 24. P. 942–943.

¹⁰ *Maghraoui D.* Constitutional Reforms in Morocco: Between Consensus and Subaltern Politics // *The Journal of North African Studies*. 2011. Vol. 16. P. 691.

¹¹ *Badran S.Z.* Demobilising the “February 20 Movement” in Morocco: Regime Strategies during the Arab Spring // *The Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25. P. 628.

¹² Au Maroc, une manifestation violemment dispersée à Rabat. RFI — Maroc // *Radio France International*. 15.05.2011. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20110515-le-maroc-reprime-durement-une-manifestation-blesses.html> (дата обращения: 28.03.2013).

размножились личные страницы и группы противников «Движения», выразивших верно-подданные настроения и поддержку конституционной реформы¹³. Королевские спецслужбы применяли к демонстрантам и тактику «неформального насилия»: уже в апреле акции «Движения 20 февраля» встречали на своем пути группы малообразованных и враждебно настроенных жителей пригородных селений и городков. «Идеологические противники» безнаказанно оскорбляли гражданских активистов, забрасывали их комьями грязи, устраивали скандалы и драки, провоцировали полицейские облавы и задержания¹⁴.

В то же время одной из причин противостояния властей и протестующих стала оценка нового основного закона Марокко. С середины апреля 2011 г. в городах и селениях организовывались официальные культурно-просветительские и музыкальные события. Как оформление сцен (портреты короля, национальные флаги), так и содержание речей и развлекательных программ были направлены на разъяснение положений будущей Конституции. Любая критика конституционной реформы Мухаммада VI заведомо трактовалась на этих собраниях как «пренебрежение волей народа», «сомнение в политических навыках его величества» и подвергалась дискредитации. Стилистика митингов носила подчеркнуто объединительный, надпартийный характер¹⁵.

Не были забыты и исламские институты. Согласно распоряжению министра хабусов и по делам ислама служителей мечетей призывали порицать в ходе пятничных проповедей протестные настроения и внушать аудитории положительное отношение к конституционным преобразованиям. При этом в унифицированных текстах образцов проповедей указывалось, что марокканцы-мусульмане должны воспринимать поддержку Мухаммада VI как свое гражданское и религиозное обязательство¹⁶. Поддержку основному закону свидетельствовали и шейхи суфийских братств (в том числе аль-Бушишийя).

Вступив в идеологическое противостояние с махзенем, «Движение 20 февраля» не приняло результаты референдума по новой конституции, который состоялся 1 июля 2011 г. На нем (при явке 73,4% зарегистрированных избирателей) 98,5% голосовавших одобрили новый основной закон Марокко, введенный в действие 29 июля¹⁷. Хотя направления преобразований совпали с требованиями «Движения», их критика относилась к «недемократическому характеру» процесса обсуждения и к сохранению всевластия короля. Во второй половине июля 2011 г. в городах Марокко вновь состоялись марши протеста, достигшие кульминации 31 июля – в день восшествия Мухаммада VI на престол и в дату ежегодной традиционной клятвы верности королю (*бай'а*). Задевая личность и статус монарха, протестующие высмеивали патетику церемониала. Пародируя привычные слова клятвы, они произносили нараспев фразу: «Да благословит Аллах наш народ» и, подобно футбольным арбитрам, держали в поднятых руках желтые карточки – со своеобразным намеком властям Марокко на последнее предупреждение перед удалением их с поля.

Подлинное соотношение сил гражданской оппозиции и трона выявили парламентские выборы, прошедшие в ноябре 2011 г. Главным оппонентом продворцовых партий на этих состязаниях выступила отнюдь не «рассерженная молодежь», а исламистская Партия справедливости и развития (ПСР), которая с 1998 г. активно участвует в политической жизни страны. В своей предвыборной кампании лидеры ПСР охотно поддерживали

¹³ *Dahbi Kh.* Op. cit. P. 11.

¹⁴ *Badran S.Z.* Op. cit. P. 633–634.

¹⁵ *Maghraoui D.* On the Relevance or Irrelevance of Political Parties in Morocco // *The Journal of North African Studies.* 2020. Vol. 25. P. 948.

¹⁶ Al-Maghrib yalji'u ila khutaba' al-masajid li-l-taswit "na'am" ala-l-dustur al-jadid (Марокко прибегает к проповедникам мечетей для того, чтобы обеспечить ответ «да» новой конституции) // *Al-Arabiyya.* 24.06.2011. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/06/24/154673.html> (дата обращения: 18.06.2014).

¹⁷ *Bendourou O.* La nouvelle Constitution marocaine du 29 juillet 2011 // *Revue Française de Droit Constitutionnel.* 2012. № 3 (91). P. 512.

лозунги «Движения 20 февраля», направленные против полицейского произвола и узаконенной коррупции. Кроме того, ПСР еще на парламентских выборах 2002 г. подавала себя избирателям как компетентную и не запятнанную участием в правительстве оппозиционную силу¹⁸; на последующих парламентских выборах 2007 и 2011 гг. эта тактика также оправдала себя. Однако в расчете на электоральный успех исламисты не разделяли критику конституции со стороны «Движения 20 февраля». Поэтому союзником молодых и малоопытных активистов стала полуполюгальная фундаменталистская ассоциация «Справедливость и благодеяние» («Аль-Адль ва-ль-ихсан»), более 30 лет выступавшая против «узурпации власти» алауитской монархией. В альянсе с немногочисленными леворадикальными политическими группами «Движение» и «Аль-Адль» попытались устроить бойкот выборов, который, однако, оказался полностью неудачным.

Среди уважаемых политических сил Марокко призывы «Движения 20 февраля» не получили поддержки. Все они предпочли встать на сторону короля и создали коалицию из восьми партий, получившую неофициальное название «G-8». Руководство коалицией осуществляли приближенные ко двору либералы из Национального объединения независимых (НОН) и лидеры претендующей на защиту традиционных ценностей Партии подлинности и модернизма (ППМ). Эта партия была создана деятелем махзена Фуадом Али аль-Химмой, который в 2000 г. был назначен министром-делегатом короля при МВД¹⁹. В 2008 г. он создал свою лоялистскую партию, ратовавшую за «близость к избирателю» и активную гражданскую позицию марокканцев. На следующий год аль-Химма привел ППМ к успеху на муниципальных выборах (21,15% голосов)²⁰. Теперь ключевой задачей ППМ и G-8 в целом стало недопущение в парламент исламистов, упрочение структуры правящего класса Марокко и дезавуирование демократического потенциала движущих сил «арабской весны».

На выборах 2011 г. G-8 в качестве политического противовеса не оправдала надежд королевской власти. ПСР опрокинула все планы и набрала рекордные 107 мандатов (27% голосов), гарантировав себе парламентское большинство. С учетом роста популярности партии (42 мандата в 2002 г. и 46 мандатов в 2007 г.) исламисты по праву заняли место ведущей политической силы в стране. Их успех обозначил примирение обществ Северной Африки с самими собой и неудачу прозападных устремлений их элит²¹. После триумфального успеха на выборах в нижнюю палату парламента ПСР вступила в «клуб» исторических общенациональных партий Марокко, наряду с «Истикляль» и Социалистическим союзом народных сил. Эта партия еще в 2000-х годах превратилась в важное действующее лицо политической игры махзена и партийной системы²². Но в ходе «арабской весны» умеренные исламисты смогли выразить интересы средних слоев марокканского общества, и весной 2012 г. лидер и идеолог ПСР Абд аль-Илях бен Киран возглавил новое коалиционное правительство.

Обращаясь к событиям «арабской весны» в Марокко сегодня, можно сделать вывод: введение новой конституции, более равномерно распределяющей между королем и правительством властные полномочия, и внеочередные парламентские выборы сыграли роль своего рода «пламегасителя» недовольства. Политические круги королевства не

¹⁸ *Iraki A.* Du renouvellement des élites urbaines au Maroc. Élités urbaines, territoire et système politique local // *Annuaire de l'Afrique du Nord* 2003. 2005. Vol. XLI. P. 92–93.

¹⁹ *Catusse M., Variel F.* “Ni tout à fait le même, ni tout à fait un autre”. Métamorphoses et continuité du régime marocain // *Maghreb—Machrek*. 2003. № 175. P. 80–81.

²⁰ *Eibl F.* The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political “Deus Ex Machina” // *The Journal of North African Studies*. 2012. Vol. 17. P. 47.

²¹ *Marzouki I.* La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // *L'Année du Maghreb* 2004. Paris, 2006. P. 415.

²² См.: *Орлов В.В.* Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // *Исламский фактор в истории и современности* / под ред. В.Я. Белокрепниченко, И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульченко. М., 2011. С. 409–421.

были готовы инкорпорировать стихийное и слабо оформленное «Движение 20 февраля», а электоральный успех исламистской и самостоятельной ПСР окончательно предопределил его политическую судьбу. Образ «народной оппозиции» на период избирательного цикла 2011–2016 гг. оказался в руках ПСР. Поэтому уже в декабре 2011 г. еженедельные протестные собрания «Движения» привлекали не более 1–2 тыс. активистов. Результаты выборов разрушили и внешние связи «Движения»: ассоциация «Аль-Адль ва-ль-ихсан», разочарованная нестабильностью и либеральными устремлениями своего союзника, прекратила сотрудничество с ним. Без дисциплины и мобилизационных возможностей «Аль-Адль» аморфная структура «Движения» к лету 2012 г. фактически распалась, что резко снизило привлекательность его протестных усилий.

Ослабление общественной поддержки и жесткие полицейские меры вынудили активистов, оставшихся верными «весенним» идеалам, уйти с улиц в интернет-пространство. Здесь отчаяние оказало протестующим дурную услугу. Вместо поиска союзников и продолжения критики коррупции, nepотизма и вседозволенности махзена они обратились к личной критике короля. Этот шаг только усугубил их маргинализацию, так как по закону личность марокканского правителя священна и пользуется неприкосновенностью. В 2012 г. публичные сомнения активистов «Движения» в необходимости монархии неизменно заканчивались арестами и судебными приговорами. Даже карикатура на Мухаммада VI, размещенная в социальной сети, привела к аресту ее автора – школьника Валида Бахумана, который в итоге оказался под следствием²³.

На фоне этих событий уже в первую годовщину движения произошло его окончательное скатывание к политическому сектанству. 20 февраля 2012 г. сидячие забастовки с требованиями «дать народу подлинную конституцию» ни в одном городе королевства не собрали больше 200–300 активистов. Спецслужбы и полиция намеренно не препятствовали небольшим группам протестующих развернуть на улицах свои лозунги, а государственные СМИ подробно и в назидательном тоне осветили непопулярность призывов «Движения» и его очевидную политико-пропагандистскую неудачу. В начале 2013 г. «Движение 20 февраля» стало достоянием истории.

Примечательно, что «Движение 20 февраля» зародилось и развивалось в более благоприятных условиях, чем аналогичные акции в Египте или Тунисе²⁴. Ему удалось мобилизовать крупные организационные и человеческие ресурсы. Но после двух лет споров и разногласий «Движение» ослабело, утратило привлекательность и фактически сошло на нет, так и не достигнув успеха в своих начинаниях. Эти обстоятельства нуждаются в объяснении.

Представляется, что гражданский протест марокканцев в 2011–2012 гг. был подорван главным образом изнутри. Репрессии сыграли второстепенную роль в усмирении протестов. А вот роль марокканского государства в закулисных процессах раскола сил протестующих представляется ключевой. В целом тактика ослабления противника типична для марокканской политической культуры. В этой стране султанский двор редко имел военное преимущество над оппонентами. Поэтому династии Сааидов (1511–1659) и Алауитов (с 1630 г.) традиционно укрепляли собственные силы, стравливая своих противников. Махзен стремился к расколу среди оппонентов, чтобы одолевать их по отдельности. Во многом этим объясняется и старательно поддерживаемая в независимом Марокко многопартийность. В случае с противостоящей властью онлайн-средой старинная тактика показала себя еще более действенной, чем в реальном мире. Во многом благодаря усилиям государственной пропаганды виртуальное единение протестующей молодежи так и не смогло превратиться в устойчивую политическую структуру.

С первых дней «арабской весны» в Марокко на протестующих обрушилось множество обвинений. С одной стороны, официальные и даже коммерческие СМИ задавались

²³ *Dahbi Kh.* Op. cit. P. 18–19.

²⁴ *Dalmasso E.* Surfing the Democratic Tsunami in Morocco: Apolitical Society and the Reconfiguration of a Sustainable Authoritarian Regime // *Mediterranean Politics.* 2012. Vol. 17. Iss. 2. P. 218.

вопросом, по чьим указаниям либерально настроенная молодежь стремится ослабить единство и сплоченность марокканского народа вокруг монархии. Как правило, «заказчиками» объявлялись алжирские спецслужбы или западносахарские сепаратисты. С другой стороны, протестующим приписывали морально-нравственную ущербность. Так, критика «Движением 20 февраля» Мухаммада VI подавалась в пятничных проповедях как нечто вроде предательства исламского вероучения или намеренного оскорбления Аллаха и его Пророка — прародителя правящего государя²⁵. Апогеем этого пропагандистского подхода стала распространенная в социальных сетях трактовка «Движения» как тайного сообщества атеистов или христианских миссионеров, завербованных Ватиканом или израильским руководством с целью нанести «ущерб делу ислама в Марокко». Кроме того, с подачи спецслужб активисты «Движения» изображались как незрелые и распутные юнцы, одобряющие гомосексуальность и оправдывающие употребление наркотиков. Все перечисленные нападки не оставались без ответа («Движение» вело скоординированную и масштабную контрпропаганду посредством катарского спутникового канала «Аль-Джазира»), но все же усложняли попытки найти общий язык между активистами и легальными политическими силами королевства.

Наряду с успешной кампанией по дискредитации «арабской весны», марокканский двор смог искусно противопоставить «Движению 20 февраля» две слабо сочетающиеся политические группы — левых и исламистов. Каждая из этих политических сил могла стать партнером протестующих. Неформальные ассоциации общественно активной молодежи везде на Ближнем Востоке и в Северной Африке находились в промежуточном положении между модернизированными и традиционалистскими структурами гражданского общества²⁶. Однако ни тех ни другим сторонникам протестов в итоге отобюрократить должным образом не удалось. К тому же виртуальная и децентрализованная структура «Движения» не способствовала прочности союзнических отношений. А это вело к ценностному расслоению в «Движении» и ослаблению его связности.

Среди причин неудачи гражданского протеста 2011–2012 гг. нужно отметить грамотную выстроенную (сработавшую, по мнению М.А. Сапроновой, «на опережение ситуации»²⁷) тактику реагирования властей на требования «Движения 20 февраля». Уступки марокканского государства «рассерженной молодежи» с самого начала событий были очень ограниченными, однако (как это произошло с референдумом по конституции) демонстрировались населению как очень значительные. В то же время авторство демократических планов и преобразований на протяжении «арабской весны» неизменно оставалось за Мухаммадом VI и его окружением. Все попытки структур гражданского общества внести свой интеллектуальный вклад в законодательные процессы блокировались и игнорировались. Поскольку протесты, так же как в Тунисе и Египте, начались стихийно, а их участники объявляли себя борцами против «тиранических режимов», присвоение их лозунгов королем лишило движение собственного лица. Единственная возможность сохранить его состояла в радикализации лозунгов и критики государства за выхолащивание идей «весенней» демократии. К этому лидеров «Движения 20 февраля» подталкивали и дозированные полицейские репрессии — недостаточно широкие, чтобы вызвать всеобщее недовольство, но вполне способные спровоцировать нетерпеливую молодежь на эскалацию уличных акций.

Последнее обстоятельство наглядно подтверждается результатами бесплодного бойкота «Движением 20 февраля» референдума по новой конституции осенью 2011 г. Этот решительный шаг не привлек, а отпугнул от движения тысячи его недавних приверженцев с

²⁵ *Cimini G., Tomé-Alonso B.* Rethinking Islamist Politics in North Africa: a Multi-level Analysis of Domestic, Regional and International Dynamics // *Contemporary Politics*. 2021. Vol. 27. Iss. 2. P. 125–140.

²⁶ *Shlykov P.* Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 2. P. 146.

²⁷ *Сапронова М.А.* Политический процесс в арабских странах / под ред. Л.М. Ефимовой. М., 2017. С. 286.

их вполне умеренными требованиями, чаще всего касавшимися уровня жизни, качества образования, здравоохранения и т.д. Во всяком случае, выходя на митинги, они не желали с порога отвергать конституционные инициативы короля, оскорбить его лично или потребовать «непременной смены режима», как в Тунисе и Египте.

Ослабление гражданских протестных настроений в Марокко в значительной степени оказалось обусловлено и неоднозначными судьбами «революций» 2011–2012 гг. в других арабских странах. Первые успехи «жасминовой революции» в Тунисе и восстания на площади Тахрир в Египте подогрели оппозиционные настроения марокканской улицы. Однако явная неудача «арабской весны» на Бахрейне и последовавший крах государственности в Сирии и Ливии позволили махзену дискредитировать «Движение 20 февраля», вывести стихийные протестные акции из легального поля и вернуться от «традиционалистских» к «дирижистским», по определению российских исследователей, методам взаимодействия с исламскими институтами²⁸.

Отечественные эксперты нередко относят Марокко к редким на Ближнем Востоке и в Северной Африке стабильным государствам, которым удалось успешно нейтрализовать разрушительные результаты «арабской весны» и проявить завидную устойчивость к современным угрозам²⁹. Между тем еще на заре XXI в. политологи и историки ассоциировали неспособность арабских государств ответить должным образом на внутренние вызовы с двумя факторами: либо срастанием/слиянием режима с государственным аппаратом, либо наличием в обществе межконфессиональных и этнических трений³⁰. Успешное противодействие королевской администрации Марокко движениям гражданского протеста можно объяснить именно опосредованным, многосоставным, принимающим различные внешние формы характером патронажа правящих кругов над правительством и парламентом. К тому же и сам парламент страны выражает традиционно многопартийный характер марокканской политической системы. Наконец, гибкость и отсутствие претензий на всевластие, проявленные в конституции 2011 г., позволили Мухаммаду VI нейтрализовать влияние легальной исламистской ПСР и вовлечь ее в управление страной — на крайне невыгодных для нее условиях скромного объема реальной власти и полной ответственности перед королевским дворцом, обществом и правящим классом. Несомненно, сегодня в Марокко присутствует множество нерешенных и насущных проблем — безработица, коррупция, незаконная миграция, напряженность в Западной Сахаре. Однако опыт «арабской весны» позволил марокканскому двору на протяжении 2010-х годов последовательно укрепить легитимность королевской власти и парировать исходящие как от леволиберальных, так и исламистских сил угрозы ее идеологическим основам.

Библиография

Матвеев В.В. Средневековая Северная Африка (развитие феодальных отношений в VII–IX вв.). М., 1993.

Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. М., 2016.

Наумкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. Государство и мусульманская умма: институты управления и взаимодействия в России и арабском мире. Историческая ретроспектива // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 54–69.

²⁸ Наумкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. Государство и мусульманская умма: институты управления и взаимодействия в России и арабском мире. Историческая ретроспектива // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 59–60.

²⁹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. М., 2016. С. 7–8.

³⁰ Owen R. State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East. London; New York, 2000. P. 3.

Орлов В.В. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // Исламский фактор в истории и современности / под ред. В.Я. Белокреницкого, И.В. Зайцева, Н.Ю. Ульяновко. М., 2011. С. 409–421.

Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах / под ред. Л.М. Ефимовой. М., 2017.

Ahmad A.S., Hart D.M. Introduction // Islam in the Tribal Societies: from the Atlas to the Indus / eds A.S. Ahmad, D.M. Hart. London, 1984. P. 1–20.

Badimon M.E. Does Unemployment Spark Collective Contentious Action? Evidence from a Moroccan Social Movement // Journal of Contemporary African Studies. 2013. Vol. 31. P. 194–212.

Badran S.Z. Demobilising the “February 20 Movement” in Morocco: Regime Strategies during the Arab Spring // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 616–640.

Belkeziz A. Morocco and Democratic Transition: a Reading of the Constitutional Amendments, Their Context and Results // Contemporary Arab Affairs. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 27–53.

Bendourou O. La nouvelle Constitution marocaine du 29 juillet 2011 // Revue Française de Droit Constitutionnel. 2012. № 3 (91). P. 511–535.

Catusse M., Variel F. “Ni tout à fait le même, ni tout à fait un autre”. Métamorphoses et continuité du régime marocain // Maghreb–Machrek. 2003. № 175. P. 73–91.

Cimini G., Tomé-Alonso B. Rethinking Islamist Politics in North Africa: a Multi-level Analysis of Domestic, Regional and International Dynamics // Contemporary Politics. 2021. Vol. 27. Iss. 2. P. 125–140.

Dahbi Kh. Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the “20th February Movement” in Morocco // Annals of Japan Association for Middle East Studies. 2013. Vol. 29. № 2. P. 3–24.

Dalmaso E. Surfing the Democratic Tsunami in Morocco: Apolitical Society and the Reconfiguration of a Sustainable Authoritarian Regime // Mediterranean Politics. 2012. Vol. 17. Iss. 2. P. 217–232.

Desrués Th. Moroccan Youth and the Forming of a New Generation: Social Change, Collective Action and Political Activism // Mediterranean Politics. 2012. Vol. 17. P. 23–40.

Eibl F. The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political “Deus Ex Machina” // The Journal of North African Studies. 2012. Vol. 17. P. 45–66.

Houdret A., Harnisch A. Decentralisation in Morocco: a Solution to the ‘Arab Spring’? // The Journal of North African Studies. 2019. Vol. 24. P. 935–960.

Iraki A. Du renouvellement des élites urbaines au Maroc. Élitisme urbain, territoire et système politique local // Annuaire de l’Afrique du Nord 2003. 2005. Vol. XLI. P. 81–95.

Korany B. Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco // Political Liberalization and Democratization in the Arab World. Vol. 2. Comparative Experiences / eds B. Korany, R. Brynen, P. Noble. Boulder (Col.); London, 1998. P. 157–184.

Maghraoui D. Constitutional Reforms in Morocco: Between Consensus and Subaltern Politics // The Journal of North African Studies. 2011. Vol. 16. P. 679–699.

Maghraoui D. On the Relevance or Irrelevance of Political Parties in Morocco // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 939–959.

Marzouki I. La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // L’Année du Maghreb 2004. Paris, 2006. P. 415–425.

Mathieu B. L’émergence du pouvoir judiciaire dans la Constitution marocaine de 2011 // Pouvoirs. 2013. № 2 (145). P. 47–58.

Owen R. State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East. London; New York, 2000.

Shlykov P. Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Tourabi A., Zaki L. Maroc: une révolution royale? // Mouvements. Des idées et des luttes. 2011. № 2 (66). P. 98–103.

References

Matveev V.V. Srednevekovaia Severnaia Afrika (razvitie feodal’nyh otnoshenii v VII–IX vv.) [Medieval North Africa (Development of Feudal Interrelations in 7th–9th cc.)]. Moskva, 1993. (In Russ.)

Naumkin V.V., Kuznetsov V.A., Sukhov N.V., Zviagel’skaia I.D. Blizhniy Vostok v epokhu ispytaniy: travmy proshlogo i vyzovy buduschego [The Middle East in Times of Trial: Injuries of the Past and Challenges of the Future]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Naumkin V.V., Zaripov I.A., Kuznetsov V.A., Orlov V.V. Gosudarstvo i musul’manskaia umma: instituty upravleniia i vzaimodeistviia v Rossii i arabskom mire. Istoricheskaiia retrospektiva [The State and The Muslim Ummah: Mechanisms of Administration and Interaction in Russia and the Arab World. Historical Retrospection] // Vostok [Orient] (Oriens). 2021. № 1. S. 54–69. (In Russ.)

Orlov V.V. Umerennyye islamskie partii na arabskoi politicheskoi stsene: proby sil i otsenki 2000-h godov [The Moderate Islamic Parties on Arab Political Stage: Test of Force and Assessments of 2000s] // Islamskii

faktor v istorii i sovremenosti [Islamic Factor in History and Modernity] / pod red. V.Ia. Belokhrenitskogo, I.V. Zaytseva, N.Iu. Ul'chenko. Moskva, 2011. S. 409–421. (In Russ.)

Sapronova M.A. Politicheskiy protsess v arabskikh stranakh [Political Process in the Arab Countries] / pod red. L.M. Yefimovoi. Moskva, 2017. (In Russ.)

Ahmad A.S., Hart D.M. Introduction // *Islam in the Tribal Societies: from the Atlas to the Indus* / eds A.S. Ahmad, D.M. Hart. London, 1984. P. 1–20.

Badimon M.E. Does Unemployment Spark Collective Contentious Action? Evidence from a Moroccan Social Movement // *Journal of Contemporary African Studies*. 2013. Vol. 31. P. 194–212.

Badran S.Z. Demobilising the “February 20 Movement” in Morocco: Regime Strategies during the Arab Spring // *The Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25. P. 616–640.

Belkeziz A. Morocco and Democratic Transition: a Reading of the Constitutional Amendments, Their Context and Results // *Contemporary Arab Affairs*. 2012. Vol. 5. Iss. 1. P. 27–53.

Bendourou O. La nouvelle Constitution marocaine du 29 juillet 2011 // *Revue Française de Droit Constitutionnel*. 2012. № 3 (91). P. 511–535.

Causse M., Variel F. “Ni tout à fait le même, ni tout à fait un autre”. Métamorphoses et continuité du régime marocain // *Maghreb–Machrek*. 2003. № 175. P. 73–91.

Cimini G., Tomé-Alonso B. Rethinking Islamist Politics in North Africa: a Multi-level Analysis of Domestic, Regional and International Dynamics // *Contemporary Politics*. 2021. Vol. 27. Iss. 2. P. 125–140.

Dahbi Kh. Meso-level Interactions, Macro-level Repercussions. The Curious Case of the “20th February Movement” in Morocco // *Annals of Japan Association for Middle East Studies*. 2013. Vol. 29. № 2. P. 3–24.

Dalmaso E. Surfing the Democratic Tsunami in Morocco: Apolitical Society and the Reconfiguration of a Sustainable Authoritarian Regime // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. Iss. 2. P. 217–232.

Desrués Th. Moroccan Youth and the Forming of a New Generation: Social Change, Collective Action and Political Activism // *Mediterranean Politics*. 2012. Vol. 17. P. 23–40.

Eibl F. The Party of Authenticity and Modernity (PAM): Trajectory of a Political “Deus Ex Machina” // *The Journal of North African Studies*. 2012. Vol. 17. P. 45–66.

Houdret A., Harnisch A. Decentralisation in Morocco: a Solution to the ‘Arab Spring’? // *The Journal of North African Studies*. 2019. Vol. 24. P. 935–960.

Iraki A. Du renouvellement des élites urbaines au Maroc. Élités urbaines, territoire et système politique local // *Annuaire de l’Afrique du Nord* 2003. 2005. Vol. XLI. P. 81–95.

Korany B. Monarchical Islam with a Democratic Veneer: Morocco // *Political Liberalization and Democratization in the Arab World*. Vol. 2. Comparative Experiences / eds B. Korany, R. Brynne, P. Noble. Boulder (Col.); London, 1998. P. 157–184.

Maghraoui D. Constitutional Reforms in Morocco: Between Consensus and Subaltern Politics // *The Journal of North African Studies*. 2011. Vol. 16. P. 679–699.

Maghraoui D. On the Relevance or Irrelevance of Political Parties in Morocco // *The Journal of North African Studies*. 2020. Vol. 25. P. 939–959.

Marzouki I. La culture de la différence: pour une redéfinition des réformes démocratiques au Maghreb // *L’Année du Maghreb* 2004. Paris, 2006. P. 415–425.

Mathieu B. L’émérgence du pouvoir judiciaire dans la Constitution marocaine de 2011 // *Pouvoirs*. 2013. № 2 (145). P. 47–58.

Owen R. State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East. London; New York, 2000.

Shlykov P. Non-Western Model of Civil Society in the Middle Eastern Context: Promises and Discontents // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 2. P. 134–162.

Tourabi A., Zaki L. Maroc: une révolution royale? // *Mouvements. Des idées et des luttes*. 2011. № 2 (66). P. 98–103.